

ИВАН ПЕТРОВ НУЛЕВОЙ ОБРАЗЕЦ

ЧАС РАСПЛАТЫ

Иван Петров

Нулевой образец. Час расплаты

«Автор»

2026

Петров И.

Нулевой образец. Час расплаты / И. Петров — «Автор», 2026

Артем Шумилов биоинформатик, который хотел всего лишь изучать геномы редких растений в Крыму. Но случайная встреча с таинственным заказчиком втягивает его в проект "Феникс" охоту за носителем древней крови, способной переписывать саму природу человека. Когда Артем понимает, что стал не ученым, а ищейкой в чужой игре, бежать поздно. Его кровь уже изменилась, а за ним по пятам идут безжалостные охотники из организации Гея. Вместе с генетиком Ириной, спасшей улики ценой собственной свободы, Артем отправляется в горы. Там, в пещерах и подземных озерах, спят те, кого люди считали мифами. Хранитель, Ведьма, Море последние носители древней силы. Чтобы выжить и защитить будущее, им придется объединиться в хор. Ведь под землей пробуждается Гнев древняя боль, способная уничтожить все живое.

© Петров И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	22
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Иван Петров

Нулевой образец. Час расплаты

Глава 1

Черное море в предзвездный час было не черным, а густо-синим, почти фиолетовым, как разбавленная кровь. Артем сидел на корточках у самой кромки прибора, наблюдая, как волны лижут гальку, оставляя на ней мимолетную пену – следы, которые исчезали быстрее, чем успеваешь моргнуть. Вода была холодной, но он почти не чувствовал этого. Его тело, перестроенное чужой кровью и месяцами подпольного существования, давно научилось регулировать температурный режим с точностью хорошего термостата.

Позади, метрах в пятидесяти выше по склону, спала Ирина. Он слышал ее дыхание сквозь шум прибора, сквозь шелест ветра в можжевельнике, сквозь далекий, едва уловимый гул земли – тот самый, что не умолкал в его голове ни на минуту с того самого момента, как они покинули шахту "Антей" три месяца назад. Гул, похожий на пульс планеты. Или на ее тихую, сдерживаемую боль.

За эти три месяца они многое успели. Архив, спрятанный в подвале генуэзской башни, разросся до размеров небольшой полевой библиотеки. Ирина систематизировала данные с флешки "Керноса", добавила к ним собственные наблюдения, расшифрованные обрывки советских отчетов и – самое ценное – результаты их совместных экспериментов. Теперь они знали о себе почти все. Почти – потому что с каждым ответом возникало три новых вопроса.

Они знали, что частицы крови Камня, попавшие в организм, вели себя не как вирус или бактерия. Они вели себя как *память*. Минеральная, геологическая память, записанная на молекулярном уровне. Она не переписывала ДНК полностью, как у гибридов Глеба, а встраивалась в регуляторные участки, активируя древние, спящие гены. Гены, которые были у предков человека, но атрофировались за миллионы лет эволюции. Способность к регенерации, сенсорная чувствительность, энергообмен с окружающей средой – все это было не чужеродным, а забытым.

Ирина, получившая меньшую дозу и иным путем, стала идеальным контролем. Ее изменения шли мягче, симбиотичнее. Она не чувствовала голода, как Артем. Она не могла заморозить воду усилием воли или услышать пульс человека за километр. Но она видела то, чего не видел он – структуру. Она смотрела на гору и видела не просто камень, а слои времени, прожилки руд, траектории древних тектонических сдвигов. Ее мозг, всегда аналитический, теперь работал как идеальный геологический сканер, обрабатывая данные, которые обычные органы чувств просто неспособны уловить.

Они дополняли друг друга. Он был силой, интуицией, голосом крови. Она – разумом, системой, картой.

Сегодняшний день должен был стать решающим. Сигнал из шахты "Антей" усилился. Теперь Артем слышал его не как гул, а как почти членораздельный шепот, пробивающийся сквозь помехи каменной толщи. Память камня звала. Или предупреждала.

– Не спишь? – голос Ирины прозвучал неожиданно близко.

Он обернулся. Она стояла в двух шагах, закутанная в старый армейский спальник, с планшетом в руках. На планшете светилась карта с нанесенными на нее семью точками – их список потенциальных "спящих".

– Слушаю, – ответил он, кивая в сторону моря. – И думаю.

– О чем?

– О том, что мы идем вслепую. У нас есть карта, есть маяк с "Антея", есть список. Но мы не знаем, кто нас ждет. Друзья? Враги? Безумцы? Или те, кто вообще не захочет разговаривать.

Ирина присела рядом на корточки, поплотнее закуталась в спальник. Даже ее измененный организм мерз по утрам.

– А ты чего хочешь? – спросила она, глядя на горизонт. – Чтобы тебя встретили с распростертыми объятиями и сказали: "Здравствуй, брат, проходи, вот наша тайная пещера мудрости"?

– Я хочу понять, – он помолчал. – Почему мы? Почему я, случайно прикоснувшийся к этому, стал тем, кем стал? А Глеб, потративший миллионы и годы, создал только уродов, которые либо сдохли, либо разбежались по лесам? В чем разница?

– В намерении, – Ирина ответила мгновенно, будто давно уже продумала этот вопрос. – Глеб хотел владеть. Контролировать. Использовать. А Хранитель... Он просто дал тебе свою кровь. Без условий. Без шприцов и стабилизаторов. Как дар. Или как долг. Не знаю. Но намерение было чистым. А намерение – это, похоже, половина дела.

– Другая половина – тот, кто принимает, – добавил Артем. – Я тогда был в отчаянии. Я готов был умереть. И я принял его кровь не как оружие, а как последнюю надежду. Это меня и спасло.

– Или обрекло, – тихо сказала Ирина.

– Или обрекло, – согласился он.

Они помолчали. Солнце медленно выползало из-за моря, окрашивая воду в розовато-золотистые тона. Артем чувствовал, как его тело инстинктивно напрягается – ультрафиолет все еще был ему неприятен, хотя уже не вызывал физической боли. Компромисс, к которому они пришли с Ириной, работал. Диета из крови горных коз и настоя на минеральных лишайниках давала энергию, не превращая его в бездумного хищника.

– Сегодня мы должны принять решение, – сказала Ирина, возвращаясь к насущному. – Сигнал с "Антея" уже нельзя игнорировать. Если мы не ответим, он будет усиливаться. А если это не зов, а ловушка?

– Если это ловушка, то слишком изощренная, – Артем покачал головой. – "Отдел "Гея" не стал бы играть в такие игры. Они бы просто выследили нас и взяли. У них есть техника, люди, ресурсы. А это естественное. Это идет из самой породы. Я чувствую.

– Ты уверен, что это не твое собственное воображение? – осторожно спросила Ирина. – Мы изолированы уже три месяца. Никаких контактов, никакой новой информации. Мозг начинает галлюцинировать, достраивать реальность. Это известный феномен.

– Ты же знаешь, что нет, – он посмотрел ей прямо в глаза. – Ты тоже это чувствуешь. Просто боишься себе признаться.

Ирина отвела взгляд. Да, она чувствовала. С того самого дня, как они впервые синхронизировались, пытаясь экранировать свое убежище от сканеров "Геи", между ними установилась странная связь. Не телепатия в прямом смысле, а скорее эмпатический резонанс. Она знала, когда он голоден, когда зол, когда напуган. И сейчас он не был напуган. Он был сосредоточен. Как хищник, вышедший на след.

– Ладно, – она тряхнула головой, отбрасывая сомнения. – Допустим, это зов. Что дальше? Мы идем к "Антею"? Это же логово "Геи", они там все заново отстроили после пожара. Нас засекут за километр.

– Мы пойдем не к "Антею", – Артем встал, отряхивая колени от песка. – По крайней мере, не сразу. Помнишь, что сказала Память? "Найди других хранителей, спящих не здесь, там, где холодный камень целует горячую кровь". Это Кавказ. Горы, термальные источники. И в нашем списке есть точка, которая идеально подходит под это описание.

Он взял у нее планшет, увеличил карту. На восточном склоне Главного Кавказского хребта, в районе, где сходятся границы нескольких ущелий, горела метка. Рядом с ней стояла пометка, сделанная рукой Ирины: "Пещерный монах. Вероятность наличия носителя: 78%. Источник: архивные данные РГО (1912) + сканы "Керноса" (аномалия типа "мерцание")".

– До него около трехсот километров по прямой, – продолжил Артем. – Но по горам, без дорог, с минимумом снаряжения – неделя, а то и две. Если повезет.

– А если не повезет?

– Тогда мы станем пищей для медведей или добычей для "Геи". – Он улыбнулся – впервые за долгое время. Улыбка вышла кривой, почти звериной, но в глазах мелькнул знакомый, человеческий огонек. – Но я предпочитаю рискнуть, чем сидеть здесь и ждать, пока нас найдут. Ты со мной?

Ирина долго смотрела на него. Потом медленно кивнула.

– Я с тобой. Но сначала – завтрак. И проверка снаряжения. И я хочу еще раз прослушать сигнал, записать его на диктофон, проанализировать спектр. Если это действительно Память, в ее "голосе" должны быть паттерны. Мы сможем расшифровать их позже, когда будет время.

– Ты неисправима, – сказал Артем, но в его голосе звучала теплая, почти нежная нотка.

– А ты – безрассуден. Хорошо, что мы встретились.

Они поднялись к башне. Узкая тропа, скрытая от глаз случайных наблюдателей густыми зарослями грабинника и держи-дерева, вела к едва заметному пролому в скале, за которым начинался их временный дом. Внутри было сухо и прохладно. Вдоль стен – стеллажи, сколоченные из старых ящиков, на которых аккуратными стопками лежали документы, карты, пробирки с образцами. В углу – спальные мешки, накрытые маскировочной сеткой. В центре – небольшой стол, на котором стоял их главный инструмент: армейский планшет с усиленной антенной, подключенный к самодельной солнечной панели, вынесенной на крышу.

Ирина сразу же села за стол, включила запись и надела наушники. Артем занялся сборами. Он работал быстро и молча, каждое движение было выверено, каждый предмет ложился в рюкзак на свое место. За три месяца изоляции они научились ценить порядок. Беспорядок означал риск. Риск означал смерть.

В рюкзак отправились: два спальника, свернутые в тугие рулоны; горелка с запасом сухого топлива; набор фляг; веревка; аптечка, составленная Ириной из трофейных препаратов "Керноса" и дикорастущих трав; нож; фонари; запасные батареи; несколько пачек высококалорийных батончиков (для Ирины – ему они были почти бесполезны); и главное – герметичный контейнер с пятью ампулами концентрата крови горного козла, разведенного минеральным настоем. Его "еда" на неделю.

Покончив со сборами, Артем подошел к Ирине. Она сидела, зажмурившись, пальцы сжимали наушники так, что побелели костяшки.

– Что там? – тихо спросил он.

– Не мешай, – отмахнулась она, но через минуту сняла наушники и повернулась к нему. В ее глазах горело возбуждение исследователя, нашедшего золотую жилу. – Там ритм. Четкий, повторяющийся. Не случайный шум, не природная вибрация. Это код.

– Код?

– Смотри. – Она развернула планшет к нему, показала спектрограмму записи. На фоне ровного шумового поля выделялись пики, расположенные с математической точностью. – Семь импульсов, пауза, снова семь, но с другим интервалом. Как морзянка, только не двоичная, а... ну, не знаю, семеричная система счисления? Или это просто количество носителей, которых нужно найти? Или указание на семь точек на карте?

– Или предупреждение: "Осталось семь дней", – мрачно пошутил Артем.

– Не смешно. – Ирина убрала спектрограмму. – Я попробую расшифровать в пути. У нас будет время. Но одно ясно точно: это не "Гея". Их сигналы – стандартные, военные, с жестким шифрованием. А это... это живое. Дышащее.

– Значит, мы идем туда, – констатировал Артем. – Вопрос: когда?

– Сегодня. Чем быстрее, тем лучше. Сигнал усиливается. Если мы не ответим, Память может решить, что мы не слышим, и начать кричать громче. А крик в каменных недрах – это землетрясения, оползни, бог знает что еще. Мы не знаем пределов ее возможностей.

Они позавтракали в молчании. Ирина пила чай и жевала галеты, Артем просто сидел, глядя в окно-бойницу на море. Его организм уже адаптировался к режиму питания раз в три-четыре дня. Голод напоминал о себе лишь легким покалыванием в кончиках пальцев и легким, почти приятным холодком в животе.

В одиннадцать утра они вышли. Рюкзаки за спиной, минимум вещей, максимум решимости. Артем замаскировал вход в башню камнями и ветками – на случай, если они не вернутся, но кто-то другой найдет их убежище. Или если вернутся, но застанут здесь чужих.

Тропа повела их вверх, прочь от моря, в глубь гор. Первые километры дались легко – они шли по знакомым местам, где бродили последние месяцы. Но уже к вечеру, когда солнце скрылось за хребтом, а тени стали длинными и хищными, началась неизведанная территория.

Лес сменился криволесьем, криволесье – каменистыми осыпями. Ноги скользили по щебню, рюкзак тянул плечи, воздух становился разреженнее и холоднее. Артем чувствовал, как его тело автоматически подстраивается под нагрузку: дыхание углубляется, мышцы работают экономичнее, зрение переключается в сумеречный режим. Он видел каждый камень, каждую ветку, каждую нору в склоне. Слышал каждый писк полевки, каждый шорох сонной птицы.

Ирина шла след в след, экономя силы. Она тоже изменилась – он чувствовал это по ее дыханию, по пульсу, который улавливал даже сквозь шум ветра. Ее сердце билось ровно, без сбоя, но быстрее обычного. Организм мобилизовался.

К полуночи они вышли на плато – ровное, поросшее жесткой травой место на высоте около тысячи метров. Впереди, в разрывах облаков, угадывались силуэты более высоких вершин. Где-то там, за ними, лежала цель.

– Привал, – скомандовал Артем, сбрасывая рюкзак. – Четыре часа сна. Потом дальше.

Ирина молча кивнула, опустилась на траву и почти мгновенно отключилась. Артем постоял над ней несколько минут, вслушиваясь в ночь. Ничего подозрительного. Только ветер, только горы, только далекий, настойчивый гул в его собственной голове – тот самый, что вел их вперед.

Он не стал ложиться. Сел на камень, прислонившись спиной к рюкзаку, и закрыл глаза. Спать ему не хотелось. Хотелось слушать.

Гул был громче, чем внизу, у моря. Здесь, ближе к небу, ближе к камню, он звучал почти музыкально – басовой нотой, на которую накладывались обертоны помельче. Артем попытался разобрать в них знакомые паттерны, как учила Ирина, но ничего не вышло. Слишком сложно, слишком много слоев.

Зато пришло другое. Ощущение. Почти физическое – чье-то присутствие. Не враждебное. Наблюдающее.

Он открыл глаза и медленно повел головой, сканируя пространство своим инфракрасным зрением. Трава, камни, кусты можжевельника. Теплые пятна – Ирина, пара зайцев метрах в ста, сова на скале. И ничего. Пусто.

Но ощущение не проходило. Кто-то смотрел. Откуда-то сверху. С неба?

Артем поднял голову. Луна еще не взошла, звезды горели ярко и холодно. Черный провал космоса над головой. Ничего.

И вдруг он понял. Смотрели не сверху. Смотрели *изнутри*. Горы смотрели на него. Вся эта каменная громада, на которой они сидели, была живой. Не в переносном смысле. В прямом. Каждая молекула кремния, каждый кристалл кварца, каждая прожилка руды обладали памятью. И эта память сейчас фокусировалась на нем, изучала его, оценивала.

– Ты чувствуешь? – прошептал он, обращаясь неизвестно к кому.

И в ответ пришла волна. Не мысль, не слово, а именно волна – теплая, тяжелая, древняя. Она накрыла его, проникла в каждую клетку, и на миг он увидел.

Увидел горы такими, какими они были миллионы лет назад – кипящим магматическим котлом, где рождались минералы. Увидел море, наступавшее и отступавшее, оставлявшее слои ракушечника и известняка. Увидел первых людей, прятавшихся в пещерах от холода и хищников. Увидел их страх, их надежды, их жертвы – кровь, пролитую на камни, чтобы умиротворить духов гор.

И увидел тех, кто пришел позже. В белых халатах, с бурами и взрывчаткой. Тех, кто не просил, а брал. Тех, чьи "железные черви" вгрызались в тело горы, добираясь до самого сердца, до спящего Гнева.

Видение оборвалось так же внезапно, как и началось. Артем тряхнул головой, чувствуя, как из носа течет кровь – тонкая, темная струйка. Он вытер ее рукавом, посмотрел на руку. Кровь была не алой, а почти черной, с металлическим отливом. Слишком много "камня" в ней стало.

– Ты в порядке? – голос Ирины вырвал его из оцепенения. Она сидела, глядя на него с тревогой. Видимо, проснулась от его вскрика.

– Да, – хрипло ответил он. – Кажется, меня только что поприветствовали.

– Горы?

– Они самые. – Он поднялся, чувствуя легкое головокружение. – Знаешь, что самое страшное? Они не злятся. Они просто ждут. Ждут, что мы сделаем выбор. Им все равно, победим мы или проиграем, выживем или умрем. Они – вечность. А мы – пыль на их склонах. Но если мы разбудим Гнев, им тоже будет больно.

– Откуда ты знаешь?

– Они показали. – Он провел рукой по ближайшему валуну. Камень был теплым – накопил солнечное тепло за день и теперь отдавал его ночи. Обычное дело. Но сейчас это тепло казалось Артему рукопожатием. – Они хотят, чтобы мы нашли других. Чтобы мы успели.

– Тогда не будем терять времени, – Ирина встала, отряхнулась. – Спать больше не хочется. Идем?

– Идем.

Они двинулись дальше, в ночь, по едва заметной тропе, которую Артем угадывал скорее интуитивно, чем видел глазами. Звезды над ними сдвигались к западу, луна наконец выползла из-за хребта, заливая плато серебристым, призрачным светом. Тени стали резкими, глубокими.

К рассвету они прошли еще километров пятнадцать. Плато кончилось, начался спуск в очередное ущелье, на дне которого шумела река. Артем слышал ее задолго до того, как увидел – тяжелый, ровный гул воды, перекачивающей валуны.

Спуск был опасным. Тропа, если это можно было назвать тропой, вилась по самому краю осыпи, где каждый неверный шаг грозил камнепадом. Артем шел первым, проверяя каждый камень ногой, прежде чем перенести на него вес. Ирина страховала сзади.

На середине спуска случилось то, чего они опасались больше всего.

Сначала Артем услышал звук. Необычный – высокий, вибрирующий, чуждый природе этого места. Дрон. Маленький, разведывательный, с тихими электромоторами. Он шел со стороны ущелья, метрах в трехстах ниже по склону, сканируя местность.

– Ложись! – скомандовал Артем, прижимаясь к камням.

Ирина рухнула плашмя, замерла. Дрон приближался. Его инфракрасные сенсоры сейчас прощупывали каждый метр склона. Обычного человека они бы засекли мгновенно – тепло тела выдает. Но Артем был холодным. Его температура в состоянии покоя опускалась до двадцати пяти градусов – почти как у камня. Ирина была теплее, но в спальнике, накинутом на плечи, и с включенным режимом минимальной активности, которому она научилась, ее тепловая сигнатура тоже была смазанной, нечеткой.

Дрон пролетел метрах в пятидесяти над ними, покружил на месте и ушел дальше, в глубь ущелья.

– "Гея", – выдохнула Ирина, когда жужжание стихло. – Их разведка. Значит, они знают, что мы двинулись в горы. Или просто прочесывают район после "Антея".

– Или ищут не нас, – предположил Артем. – Может, у них там свои проблемы. Спящие просыпаются, сигналы идут. Они тоже это видят на своих приборах.

– Тогда у нас фора. Они будут гадать, что это – природная аномалия или активность носителей. Пока они решат, мы уже будем далеко.

– Если повезет, – Артем поднялся, отряхнулся. – Пошли. Нужно успеть пересечь ущелье до темноты. Ночью они могут запустить беспилотники с тепловизорами. В темноте мы будем заметнее.

Они ускорились. Спуск, переправа через реку вброд (вода ледяная, обжигающая даже для Артема), подъем по противоположному склону. К вечеру они выбрались на очередное плато, за которым начинался уже настоящий высокогорный пояс – скалы, ледники, вечные снега.

Здесь, на высоте двух с половиной тысяч метров, воздух был таким чистым и прозрачным, что звезды казались рукой подать. Артем остановился на краю плато, глядя на открывающуюся панораму. Где-то там, за этими пиками, за перевалами и ледниками, лежала цель. "Пещерный монах". Тот, кто, возможно, знал ответы.

– Красиво, – тихо сказала Ирина, подходя и становясь рядом.

– Страшно красиво, – поправил он. – Здесь все по-настоящему. Без людей, без техники, без защиты. Только мы и горы.

– И Память, – добавила она.

– И Память, – согласился он.

Они стояли молча, глядя на заснеженные вершины, розовеющие в лучах заходящего солнца. А в голове Артема не умолкал гул – теперь уже не просто шум, а почти отчетливый ритм, похожий на биение огромного каменного сердца. Горы ждали. Горы звали. И они шли на этот зов, не зная, что найдут в конце пути – спасение или гибель, мудрость или безумие, братьев или врагов.

Но они шли. Потому что выбора не было. Потому что бежать больше было некуда. И потому что где-то там, в глубине холодного камня, текла горячая кровь, ждущая своего часа.

***

Ночь они провели в небольшой пещере, найденной Артемом в сотне метров от края плато. Пещера была сухой, с ровным каменным полом, и главное – с узким входом, который можно было заблокировать от ветра и случайных зверей. Ирина разожгла горелку, вскипятила воду, сварила что-то похожее на похлебку из концентратов. Артем не ел – только пил воду, смешанную с каплей концентрата. Ему хватало.

Перед сном Ирина достала планшет, подключила его к небольшой внешней антенне, которую таскала с собой, и попыталась поймать сигнал. На экране замелькали помехи, потом на миг проступил четкий график – и снова исчез.

– Странно, – пробормотала она. – Здесь, высоко, сигнал сильнее, но он какой-то рваный. Будто его кто-то глушит.

– Или модулирует, – предположил Артем. – Может, Память пытается сказать что-то конкретное, но у нее не хватает мощности.

– Или она не одна, – Ирина подняла на него глаза. – Что, если там, в горах, не один "спящий", а несколько? И они переговариваются между собой? А мы ловим только эхо?

Эта мысль была одновременно пугающей и обнадеживающей. Пугающей – потому что несколько носителей могли быть непредсказуемы. Обнадеживающей – потому что в одиночку противостоять "Гее" и Гневу было почти невозможно.

– Посмотрим, – Артем лег на спальник, заложив руки за голову. – Завтра будет долгий день. Нужно пройти перевал до обеда, пока снег не размяк. Иначе провалимся.

– Ты уверен, что знаешь дорогу?

– Я чувствую дорогу. – Он закрыл глаза. – Это как нить. Она ведет меня. Я просто иду за ней.

– А если нить оборвется?

– Тогда мы придумаем что-то другое. Мы уже привыкли.

Ирина помолчала, потом погасила горелку и забралась в свой спальник. Через минуту ее дыхание стало ровным и глубоким – она умела засыпать мгновенно, экономя силы для переходов.

Артем еще долго лежал с открытыми глазами, глядя в каменный потолок пещеры. Сквозь толщу породы он слышал тот же гул – ровный, настойчивый, как пульс. Горы дышали. Горы ждали.

И где-то там, в глубине, спали те, кого он должен был найти. Спящие. Его новая семья. Или его новый кошмар.

Утро разбудило их холодом и ветром, задувающим в щель входа. Артем выбрался наружу первым, осмотрелся. Небо было чистым, солнце только коснулось вершин, окрашивая снег в розовый цвет. Хороший день для перехода.

– Пора, – крикнул он в пещеру.

Через полчаса они уже шли по снежнику, огибающему скальный гребень. Артем впереди, Ирина за ним, стараясь ступать след в след. Глубина снега местами достигала полуметра, но поверхность была твердой – ночной мороз сделал свое дело.

Перевал открылся неожиданно. За очередным поворотом тропа резко пошла вверх, и через сотню метров они вышли на седловину между двумя пиками. Внизу, в дымке утреннего тумана, открылась долина – зеленая, с лентами рек, с пятнами лесов. А над ней, на противоположной стороне, возвышался массив, отмеченный на карте.

Гора, где спал "Пещерный монах", выглядела именно так, как описывала Память – холодный камень, пронизанный термальными жилами. На ее склонах не было снега – только черные скалы и белые пятна выхода горячих источников, пар от которых поднимался вверх тонкими струйками.

– Красиво, – выдохнула Ирина.

– Опасно, – поправил Артем. – Видишь эти пятна? Это не просто источники. Это выходы геотермальной энергии. Если там внутри действительно кто-то спит, он использует эту энергию как подпитку. Или как защиту.

– Подойдем ближе?

– Подождем темноты. Днем нас увидят. Не "Гея" – сама гора. Я чувствую, что здесь все прозрачно. Каждый шаг отзывается.

Они спустились с перевала в долину, нашли укрытие среди валунов у подножия горы. Артем приказал Ирине отдыхать, а сам сел в позу медитации, пытаясь наладить контакт.

Гул здесь был оглушительным. Он заполнял все пространство, вибрировал в костях, в зубах, в глазах. Но сквозь этот гул проступали отдельные ноты – высокие, чистые, как колокольчики. Живые.

– Ты слышишь? – прошептал он, обращаясь к горе. – Я пришел. Я тот, кого ты звал.

И в ответ пришло.

Не слово. Не образ. Ощущение – тепла, безопасности, покоя. Как будто огромная, древняя рука легла ему на плечо и сказала: "Не бойся. Я ждал. Заходи".

Артем открыл глаза. Солнце садилось, окрашивая небо в багровые тона. Пора.

– Идем, – сказал он Ирине. – Нас ждут.

Артем поднялся, чувствуя, как каменная дрожь уходит из-под ног, сменяясь ровным, успокаивающим гулом. Гора приняла его приглашение. Или, что вернее, подтвердила, что ждала именно этого момента.

– Ты уверен? – Ирина встала рядом, вглядываясь в чернеющие склоны. Даже ее измененное зрение не видело там ничего, кроме камня и пара. – Там нет ни входа, ни тропы. Сплошная стена.

– Вход есть, – Артем покачал головой. – Просто он не для глаз. Смотри.

Он сделал несколько шагов вперед, к подножию, и положил ладонь на ближайший валун. Камень был теплым – не от солнца, а изнутри. Термальные жилы подогревали его, как печь – стены древней бани. Артем закрыл глаза, позволяя своим новым чувствам работать на полную мощность.

Инфракрасный спектр проявил то, чего не видел обычный глаз. За кажущейся монолитностью склона пряталась сеть трещин – не хаотичных, а организованных, словно кто-то тысячами вытачивал в скале систему ходов, пользуясь естественными разломами. Самая

широкая трещина начиналась метрах в двадцати выше их головы и уходила вглубь, теряясь в темноте.

– Там, – он указал направление. – Придется лезть.

Подъем оказался сложнее, чем думал Артем. Казалось бы, гладкая стена при ближайшем рассмотрении изобиловала выступами и карнизами, но камни были скользкими от конденсата, а пар, поднимающийся из недр, застилал глаза, делая каждый следующий шаг игрой в угадайку. Ирина лезла следом, цепляясь за те же уступы, дыша тяжело, но без паники.

На середине подъема Артем почувствовал толчок. Слабый, едва уловимый – гора вздохнула во сне. Камни под ногами дрогнули, сверху посыпалась мелкая крошка.

– Землетрясение? – Ирина вжалась в стену.

– Нет. Он знает, что мы здесь. Реагирует.

Толчок повторился, сильнее. Теперь Артем явственно услышал звук – низкий, гортанный, идущий из самой глубины. Не стон – скорее приветственный возглас, полный удивления и древней, почти забытой радости.

– Он просыпается, – прошептал Артем. – Надо спешить.

Последние метры они преодолели на чистом адреналине. Щель в скале, которую Артем высмотрел снизу, оказалась вертикальным разломом шириной едва ли в полметра – протиснуться можно было только боком, сняв рюкзаки и втянув животы. За разломом начинался спуск – узкий, извилистый коридор, уходящий вниз под углом градусов в тридцать.

Артем включил фонарь, но свет почти не проникал сквозь клубы пара, заполнявшего проход. Пришлось идти на ощупь, доверяясь внутреннему компасу, который вел его все глубже, к самому сердцу горы.

– Здесь жарко, – пожаловалась Ирина, вытирая пот со лба. – Градусов пятьдесят, не меньше.

– Для него это нормально. Термальные источники. Он использует их как систему жизнеобеспечения.

– Он – кто? Человек? Существо? Что мы вообще ищем?

– Мы ищем ответ, – Артем остановился, прислушиваясь. Гул стал громче, теперь в нем угадывался ритм – медленный, как пульс спящего великана. – И кажется, мы его нашли.

Коридор резко расширился, превратившись в просторный грот. Артем выключил фонарь – здесь было от чего ослепнуть и без него.

Стены светились.

Тысячи мелких кристаллов, вкрапленных в породу, излучали мягкое, зеленовато-голубое свечение – люминесценция, вызванная постоянным нагревом и давлением. Грот был размером с хороший концертный зал, посередине его, в углублении, заполненном горячей минеральной водой, покоилось Оно.

Артем не сразу понял, что видит. Сначала ему показалось, что это просто нагромождение сталагмитов – причудливых каменных образований, выточенных водой за миллионы лет. Но потом одна из "колонн" шевельнулась.

Это была рука. Человеческая по форме, но нечеловеческая по сути – длинная, тонкая, покрытая не кожей, а чем-то вроде каменной чешуи, переливающейся в свете кристаллов. Рука медленно поднялась из воды, застыла на мгновение и опустилась обратно, подняв фонтан брызг.

– Матерь божья, – выдохнула Ирина, вцепившись в локоть Артема.

Из воды, в самом центре бассейна, начало подниматься нечто. Медленно, величественно, как рождение континента из океана. Сначала показалась голова – лысая, вытянутая, с глубоко посаженными глазами, которые светились тем же зеленоватым светом, что и стены. Потом плечи – широкие, мощные, покрытые той же каменной чешуей. Потом грудь – и Артем увидел, что чешуя не сплошная, а образует причудливый узор, напоминающий карту звездного неба или схему геологических разломов.

Существо открыло глаза.

Свет, хлынувший из них, заставил Артема зажмуриться. Когда он снова смог видеть, существо уже сидело на краю бассейна, опустив ноги в воду, и смотрело на них с выражением, которое невозможно было прочесть.

– Ты пришел, – голос существа был низким, вибрирующим, он шел не из горла – из самой груди, из камня, из стен грота. Каждое слово отдавалось эхом в кристаллах, заставляя их светиться ярче. – Отмеченный кровью Камня. Я ждал тебя. Долго.

Артем шагнул вперед, чувствуя, как Ирина вцепилась в его руку, пытаясь удержать.

– Кто ты? – спросил он, и его собственный голос показался ему чужим, слишком человеческим в этом каменном царстве.

Существо склонило голову набок, изучая его. В светящихся глазах мелькнуло что-то похожее на усмешку – если существа, покрытые каменной чешуей, вообще способны усмехаться.

– Имя? – переспросило оно. – У камня нет имен. Но люди называли меня по-разному. Хранитель вод. Дух гор. Старец. А последние, кто приходил сюда с бурами и динамитом, окрестили меня Объект Ноль-Два. – Пауза. – Глупцы.

– Ты знаешь о Гневе? – выпалил Артем, не в силах больше ждать. – О том, что спит под "Антеем"? Память камня сказала, что ты можешь помочь.

При упоминании "Гнева" свет в глазах существа потускнел, лицо исказила гримаса – не боли, скорее древней, усталой печали.

– Гнев, – повторил он, и в этом слове прозвучало эхо тысячелетий. – Мой старший брат. Самый сильный из нас. И самый несчастный. Его разбудили раньше времени, потревожили железом и огнем, и теперь он мечется в своей темнице, не понимая, где сон, где явь.

– Мы можем ему помочь? – Ирина шагнула вперед, встав рядом с Артемом. – Мы ищем других, чтобы собрать хор, как сказала Память.

Существо перевело взгляд на нее, и в его глазах мелькнуло удивление.

– Ты тоже несешь в себе частицу, – проговорил он. – Но иначе. Ты – мост. Человек, принявший камень не как проклятие, а как дар. Это редкость. Очень большая редкость. – Он замолчал, словно раздумывая. – Хор, говоришь? Память не ошиблась. Для того чтобы успокоить Гнев, нужен хор. Много голосов. Много крови. Много жертв.

– Мы готовы, – твердо сказал Артем.

– Ты готов, – поправил Старец. – А она? А другие, которых вы найдете? Готовы ли они отдать часть себя, чтобы спасти то, что древнее их самих?

Он поднялся во весь рост – и Артем понял, насколько ошибался в оценках. Существо было не просто высоким. Оно было огромным – метра три, не меньше. Каменная чешуя покрывала все тело, оставляя открытыми только лицо и ладони. На груди, в районе сердца, чешуя отсутствовала – там зияло отверстие, из которого сочился тот же зеленоватый свет, что и из глаз.

– Я покажу вам, – сказал Старец, делая шаг к ним. – Покажу, что ждет вас, если вы решите идти до конца. Смотрите.

Он поднял руку – и стены грота ожили.

– Смотрите, – повторил Старец, и его голос прозвучал уже не из груди – из самих стен, из пола, из сводчатого потолка грота.

Зеленоватое свечение кристаллов вспыхнуло ярче, заливая пространство призрачным светом. Артем почувствовал, как пол уходит из-под ног – нет, не физически, а в восприятии. Реальность дрогнула, поплыла, перестраиваясь вокруг них.

Они стояли уже не в гроте.

Вокруг простиралась бескрайняя каменистая равнина под багровым небом. Вдали, у горизонта, вздымались горы – но не такие, как в Крыму или на Кавказе. Чёрные, острые, как зубья гигантской пилы, они уходили в небо, пронзая тяжелые тучи.

– Где мы? – Ирина вцепилась в руку Артема. Её голос звучал глухо, будто через толщу воды.

– Не "где", – раздался голос Старца, хотя самого его видно не было. – "Когда". Это было. И может стать снова, если вы не успеете.

Равнина ожила. Из трещин в земле поползли тени – бесформенные, клубящиеся, они стелились по камню, собираясь в стаи, как голодные звери. Из-за чёрных гор поднялось солнце – но это было не солнце, а огромный, пульсирующий сгусток тьмы, пожирающий свет.

И тогда Артем услышал крик.

Он шёл из-за гор, из самой их сердцевины – низкий, вибрирующий, полный такой боли и ярости, что у него подкосились ноги. Ирина рядом с ним вскрикнула и зажала уши, но крик проникал сквозь ладони, сквозь кожу, сквозь кости – прямо в мозг, в самую суть.

– Гнев, – прошептал Артем, узнавая этот голос. Тот самый, что звучал в его голове все последние месяцы, только теперь в тысячу раз громче, в тысячу раз страшнее.

Тени, ползущие по равнине, услышали крик и замерли. А потом бросились к горам – тысячи, десятки тысяч теней, сливающихся в единую чёрную реку, текущую к источнику звука.

– Они идут к нему, – голос Старца звучал теперь рядом, хотя самого его не было видно. – Все, кого коснулась его кровь. Все, кто носит в себе частицу камня. Гнев зовёт – и они не могут не ответить.

– Что с ними будет? – крикнула Ирина, перекрывая нарастающий гул.

– Он поглотит их. Сделает частью себя. Усилит свою ярость их болью. И тогда...

Картина снова изменилась.

Теперь они стояли на склоне знакомой горы – той самой, под которой спал "Антей". Но гора была другой: из её вершины бил в небо фонтан чёрного дыма и пепла, склоны покрылись глубокими трещинами, из которых сочилась темная, густая жидкость. Вокруг, на многие километры, не было ничего живого – только выжженная земля, искореженные остатки техники, обугленные человеческие фигуры, застывшие в последних, отчаянных позах.

– Это случится, если Гнев вырвется наружу, – сказал Старец, наконец появляясь из пустоты. Его каменное лицо было бесстрастным, но в глазах плескалась бездна боли. – Не сразу. Сначала он уничтожит тех, кто его потревожил – "железных червей". Потом – всех, кто рядом. А потом он пойдёт искать других. Таких, как вы. Как я. Он будет собирать свою стаю, поглощая нас одного за другим. И остановить его станет невозможно.

Видение схлопнулось, втянулось в точку и исчезло. Они снова стояли в гроте, перед бассейном с горячей водой. Только теперь Старец сидел на краю, опустив плечи, и казался не трёхметровым великаном, а просто очень старым, очень уставшим существом.

– Сколько у нас времени? – спросил Артем. Голос охрип, в горле першило от серного привкуса, оставшегося после видения.

– Немного, – Старец поднял на него светящиеся глаза. – "Железные черви" копают быстрее, чем я думал. Они уже почти добрались до его камеры. Ещё неделя – и они пробьют последнюю стену.

– Неделя?! – Ирина шагнула вперёд. – Мы не успеем найти всех за неделю! Нам нужно минимум...

– Я знаю, – перебил Старец. – Поэтому вы пойдёте не ко всем.

Он поднялся, подошёл к стене и провёл рукой по камню. Там, где его пальцы касались породы, проступали светящиеся линии, складывающиеся в карту. Артем узнал очертания Кавказа, Крыма, побережья Чёрного моря. На карте зажглись три точки.

– Здесь, – Старец указал на первую, в горах над Сочи. – Спящая, которую люди звали когда-то Горной ведьмой. Она старая, очень старая. Помнит времена, когда люди ещё не умели добывать огонь. Её голос нужен в хоре – самый низкий, самый глубокий.

Палец переместился на вторую точку – в море, недалеко от Новороссийска.

– Здесь, под водой. Тот, кого вы уже видели. Морской осколок. Он слаб, ранен, но он откликнется на зов крови.

Третья точка горела в Крыму, почти там, где Артем и Ирина начинали свой путь.

– А это? – спросил Артем, вглядываясь в знакомые очертания.

– Это Хранитель, – тихо сказал Старец. – Тот, кто дал тебе свою кровь. Он ещё жив. Глеб держит его в своей новой лаборатории, пытается выжать последние капли знания. Если мы спасём его, его голос станет самым сильным в хоре.

– Глеб жив? – Ирина побледнела. – Мы думали, он сгорел в особняке.

– Глеба так просто не убить, – в голосе Старца прозвучала горечь. – Он ушёл через подземный ход за час до вашего появления. И забрал Хранителя с собой. Теперь он где-то в горах, в новом убежище, продолжает свои опыты. Я чувствую боль Хранителя – она отзывается в камне.

Артем сжал кулаки. Старая ярость, притихшая за месяцы изоляции, вскипела с новой силой. Глеб жив. Глеб мучает Хранителя. Глеб продолжает своё дело.

– Мы спасём его, – сказал он глухо. – А потом разберёмся с Глебом. Окончательно.

– Сначала – хор, – Старец покачал головой. – Без полного хора у вас нет шансов ни против Гнева, ни против Глеба с его армией гибридов. Он не сидит сложа руки. Он создаёт новых тварей, сильнее прежних. У него теперь есть ваш геном, Ирина. И твой, Артем. Он учится на ваших ошибках.

– Откуда ты знаешь? – спросила Ирина, и в её голосе прозвучал страх.

– Камень помнит всё, – Старец коснулся груди, там, где зияло отверстие. – Каждая молекула породы хранит информацию. Глеб думает, что его тайны надёжно спрятаны. Но горы видят. Горы слышат. И они передают мне.

Он подошёл к Артему вплотную – теперь, стоя в полный рост, он нависал над ним, как скала.

– Ты боишься, – сказал Старец. – Я чувствую твой страх. Это правильно. Тот, кто не боится, долго не живёт. Но страх не должен управлять тобой. Ты идёшь не мстить. Ты идёшь спасать. Запомни это, Отмеченный. Иначе станешь тем, кого ненавидишь.

Артем выдержал его взгляд.

– Я помню.

Старец кивнул, удовлетворённый, и повернулся к Ирине.

– Ты, Мост, – сказал он мягче. – Твоя роль самая трудная. Ты будешь удерживать равновесие. Когда хор запоёт, когда кровь закипит, когда древняя сила начнёт разрывать души – ты должна будешь стать центром. Точкой опоры. Сможешь?

Ирина молчала долго. Потом медленно, очень медленно кивнула.

– Смогу. Если он будет рядом.

– Он будет, – пообещал Старец. – Куда же он денется.

Впервые за весь разговор на его каменном лице появилось подобие улыбки – страшной, неестественной для человеческих губ, но искренней.

– Теперь идите, – сказал он. – Времени мало. Я дам вам проводника – он выведет вас к первому осколку, к Горной ведьме. Дальше вы сами. Когда соберёте троих – возвращайтесь ко мне. Я научу вас петь.

– А ты не пойдёшь с нами? – спросил Артем.

– Я слишком стар, – Старец покачал головой. – И слишком привязан к этому месту. Если я уйду, гора рухнет. А в ней – память многих тысяч лет. Этого нельзя терять. Я буду ждать вас здесь. И молиться, чтобы вы успели.

Он поднял руку, и из темноты грота выскользнуло нечто. Сначала Артем принял это за тень, но тень обрела форму – небольшого зверька, похожего на помесь горного козла и ящерицы, с глазами-угольками и шерстью, переливающейся, как малахит.

– Иди с ними, – приказал Старец. – Покажи дорогу. Защити, если придётся.

Зверёк ткнулся мордой в его ногу и послушно потрусил к выходу из грота.

– Он выведет вас к ведьме за два дня, – сказал Старец на прощание. – А дальше всё в ваших руках. И в вашей крови.

Артем и Ирина поклонились – сами не зная, зачем, просто почувствовав, что так надо. Потом развернулись и пошли за светящимся зверьком, в темноту коридора, ведущего наружу.

Когда они выбрались из расщелины, на горах уже занимался рассвет. Холодный, прозрачный, он окрашивал снежные вершины в розовый цвет. Внизу, в долине, ещё клубился туман.

Зверёк нетерпеливо топтался у ног Артема, поглядывая на восток, туда, где за перевалом начинались земли, где спала Горная ведьма.

– Готова? – спросил Артем, глядя на Ирину.

– Нет, – честно ответила она. – Но пойду.

– Тогда вперёд.

Они сделали первый шаг по тропе, уходящей в горы. Позади оставался грот со Старцем, впереди ждала неизвестность. А где-то глубоко под землёй, в железной клетке, за тысячи километров отсюда, открыл глаза Хранитель. Он чувствовал, что Отмеченный в пути. Чувствовал, что скоро встреча.

И впервые за долгие месяцы пыток на его иссохших губах появилась тень улыбки.

Глава 2

Зверек бежал впереди, мелькая среди камней серо-зеленой молнией. Артем едва поспевал за ним, хотя шел на пределе своих возможностей – дыхание сбилось, мышцы горели, но останавливаться было нельзя. Проводник не ждал, не оглядывался, только изредка подавал голос – короткий, гортанный звук, похожий на скрежет мелких камешков.

Ирина отставала. Артем чувствовал это по ее пульсу – неровному, сбивчивому, с провалами, которые говорили о переутомлении. Она не жаловалась, но он знал: еще пара километров такого темпа, и она рухнет.

– Привал, – скомандовал он, останавливаясь так резко, что зверек не сразу понял и пробежал еще метров десять, прежде чем развернуться и уставить на них свои угольные глаза с явным неодобрением.

– Я могу идти, – выдохнула Ирина, падая на ближайший камень.

– Я сказал – привал.

Она не спорила. Только закрыла глаза и откинула голову, подставляя лицо холодному горному ветру. Артем сел рядом, вслушиваясь в окружающее пространство. Тишина. Только ветер, только далекий шум реки в ущелье, только едва уловимый гул, идущий из глубины – тот самый, что не умолкал ни на минуту.

Зверек недовольно пофыркивал, но возвращаться не спешил. Улегся на плоском камне метрах в пяти от них, свернулся клубком и прикрыл глаза, оставив только узкие щелочки для наблюдения.

– Как думаешь, он действительно разумный? – спросила Ирина, кивая в сторону проводника.

– Не знаю, – честно ответил Артем. – Но Старец ему доверяет. Значит, и нам стоит.

– Ты доверяешь Старцу?

Вопрос повис в воздухе. Артем задумался. Действительно ли он доверяет трехметровому каменному существу, которое показало им апокалиптическое видение и отправило собирать хор из древних монстров? У него не было причин доверять. Кроме одной: Старец не просил ничего взамен. Не требовал жертв, не ставил условий. Просто указал путь.

– У нас нет выбора, – наконец сказал он. – Либо мы верим ему, либо ждем, пока Гнев вырвется наружу и сожрет всё. Я выбираю веру.

Ирина помолчала, потом кивнула.

– Тогда идем дальше. Я отдохнула.

Она не отдохнула – он видел это по дрожи в руках, по бледности лица. Но спорить было бесполезно. Ирина умела быть упрямой, когда дело касалось выживания.

Они поднялись. Зверек мгновенно вскочил и снова побежал вперед, уверенно петляя между валунами и осыпями. Тропы не было – только направление, которое он задавал, и Артему приходилось полагаться на свои новые чувства, чтобы не потерять проводника из виду.

К вечеру они спустились в очередное ущелье. Здесь, защищенное от ветров, было теплее, воздух пах влажной землей и прелыми листьями. Где-то рядом журчал ручей – Артем слышал его, хотя воды видно не было.

Зверек привел их к небольшой пещере, скрытой за корнями старого бука. Вход был узким, но внутри оказалось просторно и сухо. На стенах виднелись следы древней копоты – когда-то здесь жгли костры. Люди. Давно, очень давно.

– Ночуем здесь, – сказал Артем, сбрасывая рюкзак. – Завтра с рассветом – дальше.

Ирина молча принялась разбирать вещи, доставать спальники, горелку. Артем вышел наружу, прислушиваясь. Ночь опускалась на горы быстро, как темный занавес. Звезды зажигались одна за другой, холодные и равнодушные.

Зверек сидел на камне у входа и смотрел на небо. Артем подошел ближе, присел на корточки.

– Ты понимаешь меня? – спросил он тихо.

Зверек повернул голову, и в его угольных глазах мелькнуло что-то похожее на понимание. Он моргнул – один раз, медленно – и снова уставился на звезды.

– Хорошо, – Артем вздохнул. – Тогда просто посторожи. Если что – крикни. Или как ты там подаешь сигнал.

Он вернулся в пещеру. Ирина уже разожгла горелку и грела воду.

– Знаешь, о чем я думаю? – спросила она, не оборачиваясь. – О том, что мы даже не спросили Старца, почему именно мы. Почему он доверил эту миссию нам, а не пошел сам, не послал других.

– Я спрашивал, – Артем сел напротив, глядя на пляшущий огонек. – Он сказал: "Вы – мост". И ты, и я. Ты – между человеком и камнем. Я – между кровью Хранителя и своей человечностью. Мы уникальны. Других таких нет.

– А если мы не справимся?

– Тогда все умрут. И мы в том числе.

Ирина усмехнулась – горько, без веселья.

– Умеешь ты утешить.

– Я не утешаю. Я говорю правду. Мы ввязались в это не потому, что хотели, а потому что выбора не было. И теперь нам остается только идти до конца.

Она помолчала, потом протянула ему кружку с горячим чаем.

– Держи. Для согреву.

– Мне не надо.

– Я знаю. Но возьми. Просто так.

Он взял. Кружка обжигала пальцы, но он терпел – это приятное, человеческое ощущение, напоминающее о том, кем он был раньше. Они сидели молча, глядя на огонь, и каждый думал о своем.

Снаружи завыл ветер. Зверек не подавал голоса – значит, все спокойно.

– Расскажи о ней, – вдруг попросила Ирина. – О Горной ведьме. Что ты чувствуешь?

Артем закрыл глаза, прислушиваясь к внутреннему гулу. Теперь, когда они приблизились к цели, он стал отчетливее, но оставался смазанным, словно сквозь толщу воды.

– Она старая, – медленно проговорил он. – Очень старая. Старше Старца, кажется. И она спит. Но сон беспокойный. Ей снятся кошмары. О том, как люди приходили к ней с огнем и мечами, как жгли ее пещеры, как убивали ее детей.

– У нее были дети?

– Не знаю. Может, метафора. Может, другие такие же, как она. Которых уже нет.

Ирина вздрогнула.

– Страшно жить так долго и видеть, как все, кого ты любишь, умирают.

– Поэтому она и спит, – Артем открыл глаза. – Чтобы не видеть. Чтобы забыть. А мы идем ее будить.

– И что мы ей скажем? "Проснись, нам нужна твоя помощь, чтобы спасти мир"?

– Примерно так. Только, надеюсь, более убедительно.

Она покачала головой, но улыбнулась – впервые за день.

– Ты безумец, Артем Шумилов. Ты это знаешь?

– Знаю. Иди спать. Завтра тяжелый день.

Ирина забралась в спальник, отвернувшись к стене. Через минуту ее дыхание стало ровным – она провалилась в сон с той же легкостью, с какой засыпала всегда, экономя силы.

Артем еще долго сидел у входа, глядя на звезды и слушая ночь. Гул в голове не стихал, но теперь он казался почти дружеским – как далекий голос, обещающий, что все будет хорошо. Он знал, что это обман. Что ничего хорошего не будет. Будет только путь, полный боли и потерь. Но выбора не было.

Под утро он задремал – сидя, прислонившись к холодной стене. И во сне к нему пришла Она.

Старуха с лицом, изрезанным морщинами глубже, чем горные ущелья. Глаза ее светились тем же зеленым, что кристаллы в гроте Старца, но свет этот был тусклым, угасающим. Она сидела на камне посреди пустынной равнины и смотрела на него.

– Ты идешь, Отмеченный, – голос ее звучал, как шелест сухой травы. – Я слышу твои шаги. Они гремят в моей голове, как камнепад.

– Я иду помочь, – ответил Артем. – Гнев просыпается. Нам нужен твой голос.

– Мой голос, – она горько усмехнулась. – Мой голос давно иссох. Я молчу уже тысячу лет. Зачем тебе мое молчание?

– Чтобы петь. Чтобы собрать хор. Чтобы убаюкать Гнев или встретить его вместе.

– Глупый, – старуха покачала головой. – Гнев нельзя убаюкать. Его можно только накормить. Или умереть, пытаясь. Вы готовы умереть?

– Если придется.

– А она? Та, что с тобой? Тоже готова?

Артем промолчал. Он не знал ответа.

– Подумай, Отмеченный, – старуха поднялась, и Артем увидел, что она не просто стара – она иссохла, как мумия, кожа обтягивала кости, глаза провалились в глазницы. – Подумай, прежде чем будить мертвых. Не все спящие хотят просыпаться. Некоторые предпочли бы умереть навсегда.

– Ты хочешь умереть?

Она долго смотрела на него, и в ее глазах мелькнуло что-то, похожее на тоску.

– Я хочу покоя. А вы несете мне войну.

– Мы несем выбор, – возразил Артем. – Ты можешь отказаться. Можешь остаться спать. Но если Гнев вырвется, он найдет тебя даже здесь. И тогда покоя не будет никому.

Старуха молчала. Ветер гнал пыль по равнине, засыпая ее иссохшие ноги.

– Ты похож на него, – вдруг сказала она. – На того, кто приходил ко мне тысячу лет назад. Тоже говорил о выборе, о спасении. А потом предал.

– Я не предам.

– Все так говорят.

Она подняла руку, и равнина вокруг них начала таять, растворяться в сером тумане. Голос ее звучал все тише, уходя в небытие.

– Приходи, Отмеченный. Посмотрим, чего ты стоишь на самом деле. Но помни: пробуждение стоит дорого. Очень дорого.

Артем проснулся от холода. Руки затекли, шея затекла – он так и просидел всю ночь у входа, прислонившись к камню. Зверек сидел напротив и смотрел на него с непонятным выражением – кажется, с насмешкой.

– Видел сон? – спросила Ирина из глубины пещеры. Она уже не спала, сидела на спальнике, обхватив колени.

– Видел. Она знает, что мы идем.

– И что сказала?

– Что пробуждение стоит дорого. И что она не уверена, хочет ли просыпаться.

Ирина помолчала, потом встала, подошла к нему.

– А мы уверены, что хотим ее будить?

– Нет, – честно ответил Артем. – Но у нас нет выбора. Помнишь?

– Помню.

Она протянула руку, и он принял ее, поднимаясь. Тело слушалось плохо – сказывалась бессонная ночь и перенапряжение вчерашнего дня.

– Завтракаем и идем, – сказал он. – Времени мало.

Зверек, услышав слово "идем", довольно фыркнул и побежал вперед, снова превращаясь в серо-зеленую молнию.

– Быстро же он восстанавливается, – заметила Ирина, глядя ему вслед. – Не то что мы, люди.

– Он не человек, – Артем подхватил рюкзак. – И мы уже не совсем люди. Так что давай без нытья.

– Я не ною. Я констатирую факт.

– Констатировать будешь, когда доберемся до места.

Они вышли из пещеры. Утро было ясным, холодным, солнце только начинало подниматься над гребнем гор, окрашивая снега в розовый цвет. Воздух обжигал легкие, но Артем почти не замечал этого – его тело давно адаптировалось к любым температурам.

Тропа, если это можно было назвать тропой, вилась по склону, то поднимаясь вверх, то резко ныряя вниз. Зверек вел их уверенно, ни разу не останавливаясь в нерешительности. Казалось, он знает каждый камень, каждый куст, каждый ручей на этом пути.

К полудню они вышли к перевалу. Отсюда открывался вид на следующую долину – узкую, зажатую между скал, с темным озером на дне. Вода в озере была неестественно черной, неподвижной, как зеркало, в котором отражалось только небо.

– Там, – сказал Артем, чувствуя, как гул в голове становится громче, отчетливее. – Она там. Под озером.

– Под водой? – Ирина вгляделась в черную гладь. – Но как мы...

– Не знаю. Но зверек знает. Смотри.

Проводник уже бежал вниз, к озеру, не оборачиваясь и не сбавляя темпа. Артем и Ирина двинулись следом.

Спуск оказался крутым, опасным – камни сыпались из-под ног, приходилось цепляться за редкие кусты, чтобы не сорваться в пропасть. Но они справились. Через час, ободренные, уставшие, но живые, они стояли на берегу черного озера.

Зверек сидел у самой воды и смотрел на них с терпеливым ожиданием.

– И что дальше? – спросила Ирина. – Прыгать?

Артем подошел к воде, опустил на корточки, коснулся поверхности пальцем. Вода была ледяной – настолько, что у обычного человека свело бы руку судорогой. Но он чувствовал только холод, чистый, глубокий холод, идущий из самой бездны.

– Ты слышишь меня? – мысленно позвал он. – Мы пришли. Мы здесь.

Тишина. Только ветер шумит в скалах, только волны плещут о берег.

И вдруг вода в центре озера всколыхнулась. Не от ветра – снизу, из глубины, пошла рябь, расходящаяся кругами. А потом из черной глади поднялось Оно.

Сначала Артем увидел только тень – огромную, бесформенную, заслонившую полнеба. Но тень обретала очертания, сгущалась, превращалась в фигуру. Женскую. Высокую, стройную, с длинными волосами, струящимися по воде, как водоросли.

Горная ведьма поднялась из озера и открыла глаза.

Это были не те глаза, что Артем видел во сне. Там, в видении, они светились тусклым зеленым светом утасующей жизни. Здесь же они пылали – два белых, раскаленных солнца, от которых невозможно было отвести взгляд. Они не просто смотрели – они прожигали, пронизывали, читали каждую клетку тела, каждую мысль в голове.

Ирина вскрикнула и отшатнулась, прикрывая лицо руками. Артем стоял, не в силах пошевелиться. Свет жег сетчатку, но он не мог закрыть глаза – что-то удерживало, заставляло смотреть в самое сердце этого древнего, страшного света.

– Отмеченный, – голос ведьмы шел не изо рта – она еще не открывала губ. Он звучал прямо в голове, заполняя собой всё пространство, вытесняя мысли, чувства, саму волю. – Ты пришел. Я знала, что ты придешь. Камень сказал мне.

Артем попытался ответить, но горло перехватило спазмом. Он только кивнул – судорожно, неловко.

Ведьма шагнула к берегу. Вода расступалась перед ней, не желая касаться этого существа, подчиняясь древнему инстинкту уважения или страха. Когда она ступила на камни, Артем увидел, что ноги ее – не человеческие. Ниже колен они переходили в нечто, напоминающее корни старого дерева, вросшие в камень, оплетающие его тысячами тонких отростков.

– Ты боишься, – констатировала она, останавливаясь в трех шагах. – Это хорошо. Страх – первый шаг к мудрости. Те, кто не боится, давно мертвы.

– Мы пришли просить помощи, – выдавил Артем, чувствуя, как голос возвращается, но звучит хрипло и жалко. – Гнев просыпается. Старец сказал, что нам нужен хор. Твой голос.

– Мой голос, – повторила ведьма, и в этом повторении прозвучала такая глубина горечи, что Артему захотелось провалиться сквозь землю. – Ты знаешь, когда я пела в последний раз?

Он покачал головой.

– Тысячу лет назад. Я пела колыбельную своим детям, когда они умирали. Их убивали люди. С факелами и копьями. Они пришли в мою пещеру, где я растила их, защищала, учила. И убили всех. До одного. – Ее голос дрогнул, и белый свет в глазах на миг потускнел. – С тех пор я молчу. И буду молчать вечность.

Ирина шагнула вперед, встав рядом с Артемом. Ее трясло, но голос звучал удивительно ровно:

– Мы не те люди. Мы пришли не убивать.

– Вы пришли будить, – ведьма перевела взгляд на нее, и Ирина покачнулась под этим взглядом, но устояла. – Будить боль. Будить память. Это не лучше убийства.

– Если мы не разбудим тебя, Гнев убьет всех, – Ирина повысила голос. – И нас, и тебя, и всех, кто еще остался от твоего рода. Ты хочешь этого?

Ведьма молчала долго. Секунды тянулись, как часы. Ветер стих, вода в озере замерла, даже камни перестали дышать своим обычным, едва уловимым гулом. Весь мир затаился в ожидании ответа.

– Ты смелая, – наконец сказала ведьма. – Слишком смелая для той, кто носит в себе лишь каплю крови. Знаешь, что бывает со смелыми?

– Знаю, – Ирина не отвела взгляда. – Они часто умирают молодыми. Но иногда успевают сделать что-то важное.

Уголки губ ведьмы дрогнули – не в улыбке, но в чем-то, отдаленно ее напоминающем.

– Ты мне нравишься, маленькая. Жаль, что мы встретились так поздно. Жаль, что ты пришла не с миром, а с войной.

– Мы пришли с миром, – вмешался Артем. – Мы не хотим воевать. Мы хотим спасти.

– Спасти? – ведьма резко повернулась к нему, и свет в ее глазах вспыхнул с новой силой. – Ты хочешь спасти мир, который убивал нас веками? Людей, которые жгли наши пещеры, травили наши реки, бурили наши горы? Зачем? Чтобы они продолжили свое черное дело?

– Не все люди такие, – тихо сказал Артем. – Мы не такие.

– Вы – исключение. А исключения лишь подтверждают правила. – Она сделала шаг к нему, и теперь Артем видел ее лицо в деталях – иссохшее, как кора старого дерева, с трещинами, из которых сочился тот же зеленый свет, что и из глаз Старца. – Я знаю твою историю, Отмеченный. Тебя предали, пытали, едва не убили. Ты бежал, скрывался, выживал. И теперь ты хочешь спасти тех, кто это сделал?

– Я хочу спасти тех, кто не сделал, – возразил Артем. – Тех, кто ничего не знает. Детей, которые родятся завтра. Стариков, которые просто хотят дожить свой век в покое. Они не виноваты в том, что Глеб и ему подобные играют в богов.

– Глеб, – ведьма произнесла это имя так, будто пробовала его на вкус. – Тот, кто мучает Хранителя. Я чувствую его боль. Она доходит даже сюда, сквозь толщу камня и воды. – Она помолчала. – Этот Глеб заслуживает смерти. Самой страшной, самой медленной.

– Заслуживает, – согласился Артем. – Но сначала мы должны остановить Гнев. А для этого нужен хор. Твой голос.

Ведьма отвернулась, посмотрела на озеро. В его черной глади отражалось ее лицо – искаженное, древнее, прекрасное в своей чудовищности.

– Я устала, – сказала она тихо. – Тысяча лет одиночества. Тысяча лет боли. Тысяча лет воспоминаний, которые грызут душу, как черви. Я хочу покоя. Настоящего покоя. Без снов, без мыслей, без боли. А вы предлагаете мне проснуться и снова страдать.

– Мы предлагаем тебе выбор, – Ирина снова шагнула вперед, вставая так, чтобы ведьма видела ее лицо. – Ты можешь остаться здесь и ждать, пока Гнев придет за тобой. Или пойти с нами и попытаться остановить его. В первом случае ты умрешь наверняка. Во втором – есть шанс выжить и, возможно, найти новый смысл.

– Новый смысл, – горько повторила ведьма. – В моем возрасте и с моей памятью? Смешная ты, маленькая.

– Я не смеюсь.

Ведьма посмотрела на нее долгим, тяжелым взглядом. Потом перевела его на Артема.

– У тебя есть его кровь, – сказала она. – Хранителя. Я чувствую. Она поет в тебе, тихо, но чисто. Ты готов отдать ее? Если понадобится?

– Готов.

– А ты? – ведьма повернулась к Ирине. – Ты готова отдать свою жизнь за него? За этого Отмеченного?

Ирина не колебалась ни секунды:

– Готова.

Ведьма кивнула, будто ожидала этого ответа.

– Тогда слушайте. Я расскажу вам, что такое Гнев на самом деле. Не то, что показал вам Старец. Не то, что вы думаете. Истину.

Она подняла руку, и черная гладь озера всколыхнулась. Из воды начали подниматься фигуры – призрачные, полупрозрачные, но узнаваемые. Люди, звери, существа, которых Артем никогда не видел. Они плыли в воздухе, кружились вокруг ведьмы, и их глаза были полны той же боли, что звучала в ее голосе.

– Это мои дети, – сказала ведьма. – Все, кого я потеряла. Все, кого убили люди. Их души не могут уйти – они привязаны к этому месту, к моей боли, к моей памяти. Я держу их здесь, потому что не могу отпустить. Потому что если я отпущу их, я останусь совсем одна.

Призраки кружились все быстрее, их лица искажались, рты открывались в беззвучных криках. Артем чувствовал их боль – она билась в его голове, как пойманная птица.

– Это и есть Гнев, – продолжала ведьма. – Не чудовище под горой. Не древняя сущность. А просто боль. Боль всех, кого убили, всех, кого предали, всех, кто не успел простить. Она накапливается веками, растет, как снежный ком, и однажды становится сильнее тех, кто ее породил. Гнев под "Антеем" – это боль вашего рода. Людей. Тех, кто убивал друг друга тысячами, кто жег города, кто топил в крови целые континенты. Гора впитала эту боль, как губка. И теперь она готова выплеснуть ее обратно.

Артем смотрел на кружащихся призраков и понимал, что она права. Все эти лица – они были человеческими. Мужчины, женщины, дети. Убитые на войнах, замученные в застенках, сгоревшие в печах. Их боль стала материальной. Их гнев обрел плоть.

– Как это остановить? – прошептал он.

– Не знаю, – ведьма опустила руку, и призраки медленно растаяли, втянулись обратно в озеро. – Никто не знает. Мы никогда не сталкивались с таким раньше. Гнев всегда был локальным – боль одного племени, одного народа. Теперь он стал глобальным. Боль всех людей, живущих и мертвых, собралась в одной точке. И она ищет выход.

– А хор? – спросила Ирина. – Старец сказал, что хор может успокоить Гнев.

– Хор может попытаться, – поправила ведьма. – Спеть колыбельную этой боли. Превратить ее обратно в воспоминания. Но для этого нужно, чтобы голоса были чистыми. Очень чистыми. Без ненависти, без страха, без желания отомстить. Только любовь. Только прощение. Вы способны на это?

Артем задумался. Простить Глеба? Простить тех, кто пытал Хранителя, кто создавал гибридов, кто превратил жизнь в кошмар? Он не знал. Он не был уверен.

– Я попробую, – сказал он.

– Этого мало, – ведьма покачала головой. – Попробовать – значит почти наверняка проиграть. Нужно сделать. Нужно суметь. Иначе хор не просто не поможет – он усилит Гнев своей фальшью.

Ирина молчала, глядя на свои руки. Потом подняла глаза:

– А если мы не сможем простить? Если внутри нас слишком много боли?

– Тогда Гнев поглотит вас. Сделает частью себя. И вы будете вечно кружиться в этом хороводе страданий, как мои дети.

– Но твои дети не виноваты, – возразил Артем. – Их убили.

– В смерти нет вины, – ведьма усмехнулась – страшно, безнадежно. – Есть только боль. И она не разбирает, кто прав, кто виноват. Она просто есть.

Они замолчали. Ветер снова поднялся, зашумел в скалах, погнал рябь по черной воде. Зверек, все это время сидевший неподвижно, вдруг поднял голову и насторожил уши. Он смотрел куда-то вверх, на гребень скалы, окружающей озеро.

– Что там? – спросил Артем, хотя уже чувствовал. Чувствовал приближение чего-то чужого, механического, безжизненного.

– Гости, – ответила ведьма, и в ее голосе прозвучала угроза. – Железные птицы. Те, кто ищет вас.

Артем поднял голову и увидел. В небе, над гребнем скалы, висели три точки. Дроны. Маленькие, почти незаметные на фоне облаков, но он знал – их инфракрасные сенсоры уже сканируют долину, уже засекли тепловые сигнатуры.

– "Гея", – выдохнула Ирина.

– Быстро же они, – Артем сжал кулаки. – Мы только сутки как вышли от Старца.

– У них спутники, – напомнила Ирина. – И тепловизоры. Мы не могли спрятаться на открытой местности.

– Могли, – вмешалась ведьма. – Здесь. Под моей защитой.

Она подняла руки, и из озера взметнулся столб воды – черный, плотный, как нефть. Он взмыл в небо, закрывая их от дронов непроницаемой завесой. Артем видел, как точки на экране его сознания (он научился проецировать такие образы) замерцали, потеряли цель и начали кружить в растерянности.

– Уходите, – приказала ведьма. – В пещеру за моей спиной. Там вас не найдут даже железные носы.

– А ты?

– Я задержу их. Поговорю.

– Они убьют тебя, – испуганно сказала Ирина.

– Пусть попробуют, – в голосе ведьмы прозвучала такая древняя, тяжелая сила, что Артему стало не по себе. – Я не умирала тысячу лет. Не умру и сегодня. Идите. Быстро.

Они побежали. Зверек мчался впереди, указывая путь к едва заметной расщелине в скале. Артем тащил Ирину за руку, чувствуя, как ее пульс зашкаливает, как адреналин заливают кровь.

Сзади раздался звук – низкий, вибрирующий, похожий на пение гигантского колокола. Это ведьма заговорила. Но не с ними – с дронами, с теми, кто сидел по ту сторону экранов, с людьми, пославшими железных птиц.

– Слышите меня, черви? – голос ее гремел над долиной, отражался от скал, уходил в небо. – Я та, кого вы ищете. Я та, кого боитесь. Придите ко мне, если посмеете. Посмотрим, кто кого.

Дроны вздрогнули, замерли на мгновение, а потом начали снижаться. Прямо к озеру. Прямо к ведьме.

Артем замер у входа в пещеру, разрываясь между желанием помочь и инстинктом самосохранения.

– Идем, – Ирина тянула его за руку. – Она сказала – идем.

– Она одна против них.

– Она древняя, Артем. Она сильнее, чем мы думаем. А если мы останемся, мы только помешаем.

Он знал, что она права. Знал, но не мог заставить себя уйти. Слишком часто в его жизни люди жертвовали собой, чтобы он выжил. Слишком часто он оставался в долгу перед мертвыми.

Ведьма обернулась на миг, и их взгляды встретились. В ее глазах – теперь не белых, а черных, как озерная вода – он прочитал: "Уходи, глупый. Я справлюсь. Ты еще нужен".

И он ушел. Втолкнул Ирину в расщелину, протиснулся сам, и они оказались в темноте, полной запаха сырости и древней, мертвой тишины.

Сзади, сквозь толщу камня, донесся гул. Земля дрогнула. С потолка посыпалась мелкая крошка. А потом наступила тишина – полная, абсолютная, страшнее любого шума.

– Она... – начала Ирина.

– Не знаю, – перебил Артем. – Ждем.

Они сидели в темноте, прижавшись друг к другу, и слушали молчание. Зверек улегся у входа, настороженно поводя ушами, но не подавая признаков беспокойства. Это было хорошим знаком – если бы ведьма погибла, он бы чувствовал.

Прошло полчаса. Час. Артем уже начал думать, что придется выбираться самим, когда снаружи донесся звук шагов. Медленных, тяжелых, но не человеческих – слишком легких для такого веса.

Вход в пещеру заслонила тень.

– Выходите, – голос ведьмы звучал устало, но ровно. – Они ушли.

Они вышли. И замерли.

Озеро изменилось. Вода в нем стала прозрачной, как слеза, и на дне, на глубине нескольких метров, виднелись обломки – искореженные куски металла, останки дронов, упавших в воду. А по берегу, там, где стояла ведьма, тянулась черная полоса выжженной земли.

Сама ведьма выглядела иначе. Исчезла иссохшая кора, покрывавшая ее тело. Теперь она стояла перед ними – высокая, стройная, с кожей цвета слоновой кости и глазами, в которых плескалась бездна. Она была прекрасна. По-настоящему, пугающе прекрасна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.